

Мальшев Александр Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
malyshev.alexander@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЦВЕТА, ЗВУКА И ЗАПАХА В КАМЧАТСКИХ ОЧЕРКАХ В. М. ПЕСКОВА*

В статье рассматриваются особенности стилистического проявления художественности и описательности в цикле путевых очерков В. М. Пескова «Любовь — Камчатка» на примере лексической презентации журналистом цвета, звука и запаха, присущих изображаемой в очерках реальности. В ряде случаев речь идет о насыщенности отдельных частей очеркового текста колоративной лексикой или лексикой, передающей звуки окружающего мира. Подобная лексика демонстрирует значительный репертуар как количественно (статистически), так и качественно (семантически), что позволяет рассматривать ее в составе как тематических, так и лексико-семантических групп. Колоративная лексика встречается преимущественно в виде оттенков и смешения цветов, а не в виде «чистого» цвета из спектрального набора, а также обнаруживает метафоризацию. Лексика звукообозначения не менее разнообразна: только статистически упоминание звуков природы (живой и неживой) и звуков цивилизации (человек и техника) насчитывает более 50 различных звуков; примеры метафоризации имеют военную, техническую и бытовую основу. В обоих случаях встречается и лексика «нулевого» обозначения, связанная соответственно с бесцветностью и беззвучием. В камчатских очерках наблюдается относительный баланс частотности употребления колоративов и звукообозначений, однако в отдельных текстах одна группа лексики может доминировать над другой. Ольфакторной лексики количественно значительно меньше, нередко это определяется тем, что запах упоминается, а затем присутствует в памяти читателя на протяжении всего текста (запах гари вокруг извергающегося вулкана), или же подразумевается априорно, сообразно стилистике умолчания (костер пахнет дымом). Однако ее семантический потенциал весьма разнообразен и позволяет выделить шесть контекстуально обусловленных функциональных подгрупп, попарно связанных с людьми, животными и вулканами. Репортажное начало, обыкновенно понимаемое как преимущественно динамическое, придающее тексту ритмичность и связанное с общей прагматической проблематикой путевого очерка, в некоторых фрагментах текстов В. М. Пескова все же обнаруживает стилистическое тяготение к замедлению чтения и погружению читателя в ткань повествования, а следовательно, к стимулированию читательского воображения. Библиогр. 17 назв.

Ключевые слова: лексическая семантика, путевой очерк, журналистика, медиалингвистика, медиастилистика.

Malyshev Alexander A.

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russia
malyshev.alexander@mail.ru

LEXICO-SEMANTIC FEATURES OF THE REPRESENTATION OF COLOUR, SOUND AND ODOUR IN THE KAMCHATKA SKETCHES BY V. M. PESKOV

This article considers how imagery and description are stylistically revealed in a series of traveling sketches "Love — Kamchatka" by V. M. Peskov: how colours, sounds and odours of real world are lexicalised by the journalist. The article reveals that sketches are saturated with words denoting colours or sounds. The colour lexicon mainly represents nuances and mixtures of colour, rather than spectral colours, and it is also often metaphoric. The sound lexicon is also variable: statistically, the sounds of

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-34-01028 «Культурно-просветительский журналистский дискурс: ценности, коммуникативные интенции и речевые жанры».

nature (organic and inorganic) and civilisation sounds (people and engineering) account for more than 50 words. In both lexicons, we can see the words of “zero” designation: colourlessness and soundlessness. Although the Kamchatka sketches keep a relative balance between colour and sound designations, in some texts, however, one group of words can dominate over the other. The odour lexicon is quantitatively insignificant, mostly due to the fact that odour, once mentioned in the text, remains in memory of reader (smell of smoke around the erupting volcano) or is meant a priori, by means of stylistic reticence (bonfire’s smell of smoke). At the same time the semantic potential of the odour lexicon is enormous and it allows to reveal six contextual functional subsets of people, animals and volcanoes. The features of journalistic story, primarily seen as dynamic, rhythmic and underlying pragmatics of a travelling sketch, sometimes tend to slow down the process of reading, make a reader immerse himself into narration and stimulate his/her imagination. Refs 17.

Keywords: lexical semantics, traveling sketch, journalism, media linguistics, media stylistics.

Данная статья представляет собой скромную попытку почтить память Василия Михайловича Пескова (1930–2013) — классика отечественной очерковой журналистики.

Изобразительная составляющая безусловно является наиболее ярким признаком жанра путевого очерка в общественном сознании. В то же время многие исследователи отводят ей меньшую роль в стилистической организации текстового пространства очерка по сравнению с произведениями художественной литературы, фактически разводя очерковую журналистику и литературное творчество по двум стилистическим полюсам [Солганик]. Так, А. А. Тертычный рассматривает очерковую наглядность и образность как одно из проявлений репортажного начала, связанного в первую очередь с динамическим, а не статичным изображением окружающего мира [Тертычный, URL]. И. А. Митрофанова выделяет прагматичную основу речевого облика путевого очерка, казалось бы, наиболее располагающего к распространенным описаниям и детализации пространства: «Очерк не ставит целью расположить читателя к медленному чтению ради наслаждения от самого процесса чтения» [Митрофанова, с. 112]. Схожей точки зрения придерживается и В. И. Коньков: «В любом случае изображение в очерке — не самоцель. То, что автор изображает, наделяется особым смыслом, соответствующим концепции очерка» [Коньков, с. 318]. Н. А. Прокофьева, отмечая постепенную трансформацию классического путевого очерка в современный трэвел-медиатекст, особо оговаривает, что «путевой очерк в своей основе имеет проблему. Это не просто описание мест, которые посещает журналист <...> описываются не все наблюдения журналиста, а лишь те, которые наиболее ярко отражают суть поставленной проблемы» [Прокофьева, с. 247]. И. В. Сычева выделяет в путевом очерке (симптоматично, что делается это именно на материале очерков В. М. Пескова) переплетение художественного и публицистического дискурса, на пересечении которых появляется художественно-публицистический дискурс [Сычева, с. 120], обнаруживающий основные свойства первого при доминирующих коммуникативных установках второго. В то же время Е. В. Останина и А. В. Чутчева считают, что документальности и фактологичности, т. е. проявлениям проблемности, в очерковых текстах Пескова сопутствуют также играющие важную роль образность, изобразительность, наглядность и такие субъективные характеристики восприятия (тональность), как позитивность, оптимистичность и поэтизация жизненного пространства [Останина, Чутчева, с. 215, 218]. На наш взгляд, подобная двойственность обусловлена сосуществованием в путевом очерке социального и индивидуального начал: общественное влечет за собой проблемность, частное вполне может выражать личную

эстетическую позицию автора (ср. [Пономарев, с. 5-31]). Интенсивность стилистического проявления одного из этих начал зависит от выбора автором очерка определенной техники развертывания текста (в том числе и на лексическом уровне), однако нередко речь идет о синтезе художественности и проблемности, «неразрывном единстве эмоционально-образного и дискурсивно-логического» [Панцеров, с. 12]. Впрочем, К. А. Панцеров отмечает, что современный путевой очерк тяготеет к динамике, тогда как пейзажным зарисовкам отводится преимущественно роль иллюстраций [Панцеров, с. 15], а Г. С. Прохоров считает, что в художественной публицистике представлена лишь техническая имитация эстетики «живописного языка» [Прохоров, с. 49]. Представляется, что в очерках В. М. Пескова, при всей их проблемной насыщенности, значительное место отводится и художественной фиксации созерцания окружающего мира (здесь нельзя не вспомнить особого отношения Пескова к искусству фотографии и тщательному отбору собственноручных фотоматериалов для сопровождения текстов публикаций).

Очерки В. М. Пескова из цикла «Любовь — Камчатка» (нами рассмотрены 16 текстов, опубликованных в 2007 г. в газете «Комсомольская правда», далее они условно обозначаются как «камчатские очерки») обнаруживают значительное разнообразие стилистических характеристик, выделение и исследование которых даже исключительно на уровне лексики могло бы составить предмет нескольких статей. Мы же остановимся на лексико-семантическом рассмотрении триады *цвет — звук — запахи*, на значимость которой косвенно указывает сам автор в очерке «Чаепитие у Толбачика»: *Три часа ночи. Усталые и опустошенные от обостренности зрения, слуха и обоняния бредем в лагерь*. Примечательно не только выделение Песковым именно этих трех каналов восприятия мира: вероятно, сама последовательность их перечисления может быть задана убыванием частотности упоминания (инвентаризация, хотя бы приблизительная, средств выразительности художественного арсенала Пескова составляет одну из целей данной статьи). Для очерков В. М. Пескова крайне важными оказываются не только жанровая злободневность и идеологичность советского травелога, но генетическая связь с литературным и публицистическим каноном предшествующих эпох. В известном смысле стиль камчатских очерков наследует как державинскому поэтическому многоцветию и многозвучию, оказавшему заметное влияние на литературное творчество последующего времени [Kolle], и тонкой карамзинской пейзажности [Ковалевская], так и лучшим традициям описаний мира природы и человека в путевых очерках XIX века (например, в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”», см.: [Щеглова, с. 590–591]).

Колоративная лексика

В камчатских очерках В. М. Пескова наиболее значительную группу лексики обозначают обозначения цвета, при этом даже беглый просмотр текстов очерков обнаруживает семантическую широту авторской палитры колоративной лексики, выходящей за пределы стандартного набора цветов. Подобный отказ от упоминания преимущественно «чистого» цвета в пользу поистине впечатляющего количества наименований оттенков, интенсивности и градации цветопередачи был характерен, например, для русской ботанической науки периода ее становления и развития (последняя треть XVIII в.) [Петрова, с. 43–44, 50–51] и оказал существенное влияние и на художественную литературу и публицистику.

Цвет передается Песковым не только с помощью прилагательных (например, *белый* или *зеленый*), но и посредством существительных (*белизна*), глаголов (*побелеть*), причастий (*подбеленный*), что позволяет говорить о выделении не только тематических, но и лексико-семантических групп колоративов. Кроме того, в отдельных случаях внимания заслуживает и упоминание в текстах очерков предметов и явлений, имплицитно связанных с цветом как их неизменным атрибутом (по принципу стилистики умолчания). Так, упоминание в тексте очерка «Долина гейзеров» многочисленных *султанов пара* не сопровождается сообщением читателю об их цвете, но тот факт, что густой водяной пар, исходящий от природных источников, обыкновенно оказывается белого или сероватого цвета, позволяет читателю представить долину, поверхность которой местами покрыта клубами белого или сероватого пара (аналогично: пеплу априори присущ цвет пепла 'пепельный', крови — цвет крови 'кровавый', искрам и пламени — цвет огня 'огненный' и т. д.). В подобных случаях на передний план выступает не столько прямое обозначение цвета, сколько коннотативные свойства той или иной лексемы, реализующие «соответствие речевой единицы авторскому эстетическому заданию» [Копнина, Сковородников, с. 257]. Здесь уместно вспомнить ценное замечание Н. Д. Арутюновой, которое вполне возможно логически распространить и на интересующие нас случаи передачи цвета: «Даже тогда, когда образ создается заочно, т. е. по данным имеющейся информации, он все равно зрим <...> Неполнота сведений оборачивается неясностью (неотчетливостью, смутностью), но не частичностью образа» [Арутюнова, с. 315–316].

В камчатских очерках выделяются следующие группы цветов и оттенков:

1) Темные цвета: *черный* (ягоды шикши, вороны и вóроны, птицы, конус вулкана, бока сопки, вода, котел и др.), *черненький* (морские котята), *угольно-черный* (столб извержения), *черномазый* (вулканический 'детеныш вулкана'), *горелый* (сопка); *коричневый* (взвар чая), *смугло-коричневый* (кора); *бурый* (морские коты, лосось); *ржавый* (болото, вода), *ржаво-коричневый* (шкура медведя); *темный* (ивняк, столб пепла, океан); *закопченный* (деревянный божок).

Отдельно выделим квазицветовые обозначения, связанные со временем суток (*сумерки, темнота, темень, мгла, лунная ночь*) или тенью (*сумрак лозняка, тень от облаков*).

2) Светлые и промежуточные цвета: *белый* (волокна пушицы, облака, туман, хлопья пены, волк, медведь, лошадь, лебеди, чайки, сова, оперение, хвост, грудь, голова, ноги орлана), *ярко-белый* (бивни моржей), *белесый* (пар), *белизна* (снега), *белеть* (снег, пар, лошадь), *подбеленный* (пар), *белоголовый* (вулкан, орлан), *белоплечий* и *белохвостый* орлан; *снег, заснеженный* (вершины сопки, перевал), *засыпанный снегом* (палатка); *серый* (пепел), *пепел*; *серебристый* (нерка, лосось), *серебряный* (кижуч), *серебро* (о чешуе рыбы), *засеребриться* (о пойманной рыбе); *светлый* (фон горизонта и неба, клубы газа), *просветлеть* (о рассвете).

В группе светлых цветов также присутствуют квазицветовые обозначения: *теплый* («оттенки теплого цвета» в очерке «Олений край»), *свет фонарика, отсветы солнца*.

3) Цвета спектра и их оттенки.

Красный цвет: собственно *красный* (полоска неба, ошметок лавы, лавовая «каша», свет вулкана, река, ягоды), *красноватый* (ковры трав), *ярко-красный* (нерка), *розовый* (куски лавы), *малиновый* (всплески лавы), *темно-малиновый* (листья рябины), *алый* (нерка в брачный период), *пурпур* (солнца), *кровь* (олени), *рябина*.

Оранжевый/огненный цвет: *оранжевый* (клюв орлана); *рыжий* (собаки); *огненный* (извержение вулкана, всплески лавы), *огненно-красный* (всплески лавы, нерка), *красный, как огонь* (лисица); *подсвеченный солнцем, солнечный; огонь, мерцающий огоньками* (конус вулкана), *искры; раскаленный* (вулканические бомбы, лава); связанные с огнем метафоры — *фантастический светильник* (вершина вулкана), *яркий факел* и *огненная свеча* извержения.

Желтый цвет: собственно *желтый* (тундра, ветки, снег), *ярко-желтый* (прутики), *желтоватый* (корочка льда, мухоморы), *лимонный* (ивняк).

Зеленый цвет: собственно *зеленый* (звезды, лужайка, заросли, камчатские «джунгли»), *темно-зеленый* (кедровник), *яркая зелень* (травы), *трава, листва* различных деревьев, *зелень* 'растительность'.

Синий цвет: собственно *синий* (голубица, гора, небо, туман, океан), *странно синий* (вода в озере), *синеватый* (даль), *синева* (небо), *синеть* (Долина гейзеров), *голубеть* (полоска закатного неба).

Фиолетовый цвет: *сиреневый* (камни).

4) Смесь цветов: *желто-зеленый* (борода ветеринара, небо), *коричнево-белый* (кухлянка), *сизый* (глина, корка на остывающей лаве), *цветной* (пятна растительности, пятна глины), *цветовой* (пятна растительности, занавес на небе), *цветастый* (рекламная книжка), *разноцветный* (глина), *красочный* (пятно), туча из газов, *пепла и пара, мешанина удивительно сочных красок заката, разливы северного сияния, экзотическая расцветка* рыбы в брачный период; *перламутр* гейзерита; основанная на черно-белой пестроте метафора — *ситчик* березняка.

5) Бесцветность как отсутствие цвета, нулевой цвет: *прозрачный* (вода, речка), *чистый* (вода).

Одной из характерных черт очерков В.М. Пескова является повышенная (местами практически сентименталистская) визуальная чуткость наблюдателя при вхождении в мир природы. Пробуждаемое ею стремление показать читателю богатство палитры цветов и оттенков этого мира воплощается в лексико-семантическом многообразии колоративной лексики.

Лексика звукопередачи

Контекстуально в камчатских очерках выделяются две большие группы звуков: звуки природы и звуки, связанные с деятельностью человека.

«Природные» звуки, в свою очередь, образуют две подгруппы: звуки неживой и живой природы, в составе которых выделяются и подгруппы 2-го уровня.

К звукам неживой природы относятся звуки, производимые вулканами, океаном, реками и др. Подавляющее большинство этих звуков передается с помощью глаголов, причастий и деепричастий (камни *гремят*; вода *гремит, журчит, хлюпает*; пар *свистит*; *грохочущий* конус; *ревущий* океан; *позванивая*, катятся куски лавы). В отдельных случаях источник звука не просто одушевляется, но приобретает отчетливо антропоморфные черты: вулканы могут *кашлять, ворчать, сопеть* и *фыркать*, уподобляясь то дикому зверю, то человеку. Существительных несколько меньше (*шум* речки; *шум* воды; около вулкана постоянно слышны *гул* и *утробный рев* стихии; вулканическая бомба падает с *характерным шлепком*; *грохот* извержения разбудил спавших в берлогах медведей). Особое место занима-

ет отсутствие звука, практически всегда выражаемое существительным *тишина* и прилагательным *тихий*, реже речь идет о молчании: *тишина в тундре*; и опять *тихо*; *тихий осенний день*; *грустная тишина в горах*; *А сегодня тишина*. Душу щемило от такой *тишины*; *Утро в тот день было тихое, солнечное*; спящие вулканы молчат/молчаливы, вулкан-старик молчаливо наблюдает за своим «потомством».

Косвенно звуки вводятся упоминанием неизменно сопровождающихся шумом природных явлений: *тайфунов, гейзеров, пурги*, зреющих в недрах земли *взрывов пара и магмы, извергающегося вулкана и его жерл, бурлящих глин, бури и шторма с глухими ударами воды о скалы, бешено катящейся реки*, упоминания, что во тьме что-то ломалось и падало. Встречается и обобщение: *кругом все дымится, булькает, шевелится; всюду пар, kloкотание в ямах разноцветной горячей глины*.

Колоритны описания природных звуков с помощью метафор и сравнений с технической, военной или бытовой основой: *Кажется, океан подкатил к берегу сотню орудий и бьет-бьет частыми залпами по прижавшимся друг к другу людям*; *Слышен гул, напоминающий отдаленную канонаду*; *Что-то шурило и глухо, как тесто в деже, утробно булькало*; *Нечто пыхтящее, как какой-то усталый зверь*; *Вулкан работает в ровном режиме* (сравнение с механизмом); *Вулкан Шивелуч в 1964 году «рванул на себе рубаху»* (актуализация многозначности глагола *рванул*); *Карымский как будто затопит печь* — взрывы один за другим.

Звуки живой природы — это в первую очередь звуки, издаваемые животными. К ним относятся *ржание лошади, хорканье оленей, рев медведя, вой собак*, различный *лай собаки* при встрече с человеком или медведем, *рев морских котов, пыхтенье, рев, свист и хрюканье моржей, голос самки моржа, крики чаек*. Здесь также присутствуют обобщения: *Стойбище шевелилось, ревело, рычало*; *Вся масса зверей приходит в движенье, сопровождаемое ревом, свистом, сопеньем; птичьи базары*.

Кроме того, это звуки, производимые животными: *хруст приминаемого мха, гулкий топот оленей, треск ломаемых медведем кустов, свистят крылья пролетающих куликов, что-то разгрызает лисица, скребут зубы медведя по черепу туриста*.

Звуки, связанные с человеком, схожи со звуками живой природы: они распадаются на издаваемые человеком и звуки механической деятельности.

К первым почти всегда относится немногословная негромкая речь или молчание (нулевой звук, как и тишина в случае звуков природы): *Песков окликает старика с бубном*; хриплый стариковский голос *тянет камлание*; в бурю нет смысла *кричать*; *песня* подобна крикам птиц; для отпугивания медведей следует *подавать голос, свистеть и покашливать*; о необходимости остановиться сообщают *негромким свистом*; глубокий *вдох* выдает переживания о судьбе Камчатки; встречается и властный *голос* как таковой; *молчаливое чаепитие*; *молчание* в радиоэфире — признак беды. Крик упоминается Песковым лишь в описаниях встреч с медведем, причем в случае, когда такая встреча закончилась трагедией, крик сопровождается эпитетом: *страшный крик* загрызаемого медведем фотографа и *истошные крики* тех, кто не мог его спасти. Обнаруживается и метафорический *голос* из времени Великих географических открытий: «голос» казака-первопроходца Владимира Атласова, «звучащий» со страниц его отчетов-«скасок».

Контекстуально противопоставлены в культурно-идеологическом преломлении «массовые» звуки: если из палаток советских вулканологов ночью раздается *здоровый храп*, созвучный подземному гудению, то *рев восторга* американских ту-

ристов при виде гейзера в Йеллоустонском парке оценивается отчетливо негативно (оговоримся, что во втором случае Песков изначально определяет «американское» восприятие гейзеров как балаган и аттракцион — в отличие от тихой созерцательности, свойственной истинным ценителям этого чуда природы).

Последняя подгруппа звуков — звуки человеческой и механической деятельности. Звуки «человеческого» происхождения преимущественно связаны с бытом: *пляшет* над костром бубен, *свистит струною* аркан-чаут в руке оленевода, *хлопает* от радости мальчик, *визжит* обломок пилы по рогам оленя, *хрустят* на зубах поджаренные молодые рога, на медвежьей тропе *стучат* камешком в дно котелка, раздаются *щелчки* фотокамер, *выстрелами* и *пальбой* отгоняют медведей, охотник лезет в *скрипучий* сундук, дети *шуршат* и *грызут* гостинцы, по радио *вызывают* вертолет.

Звуки механического происхождения также отражают бытовую сторону жизни: *звонит* бубенчик, *булькает* в котле вода, *скрипит* кожаное седло, часы *бьют полночь*, в воздухе слышен *рев* моторов, шумят вертолет (*ревущая* машина), снегоход «Буран» и моторная лодка. Звук лодочного мотора не пугает, а привлекает некоторых животных: медведи, услышав мотор рыбацкой лодки, выбегают из леса и крадут из сетей пойманную рыбу. «Механические» звуки нарушают естественную тишину, поэтому охотники стараются их избегать: плывут по заповедной реке Жупанова *без моторов*, на плотках — эта река очень привлекательна для *тихого здорового отдыха*.

По нашим подсчетам, для прямой или косвенной передачи звуков В. М. Песковым использовано около 40 глаголов и отглагольных производных и около 30 существительных, не считая других частей речи, что в сумме дает более 50 различных обозначений звука. Это позволяет автору актуализировать и вывести из нередко встречающейся фоновой безликости аудиальную составляющую реального пространства, в котором происходит его путешествие «на краю света».

Ольфакторная лексика

Группа ольфакторной лексики — количественно наименее представительная группа лексики в камчатских очерках (фактически упоминания запаха сводятся к существительному *запах*, глаголам *пахнуть* и *почуять* и прилагательному *пахучий*), однако семантически она обнаруживает значительное разнообразие. Если обозначения цвета фактически представляют собой одну большую группу, которая, хотя и членится на более мелкие, относится к миру природы как таковому, выделение из которого человека будет, на наш взгляд, довольно искусственным, а обозначения звука разделяются на «природные» и «человеческие», то общая группа обозначений запахов позволяет выделить три подгруппы, в каждой из которых на основании контекста дополнительно выделяются «мирные» запахи и запахи, связанные с чем-то негативным.

Первая подгруппа упоминания запахов связана с миром животных. К «мирным» запахам относится запах звериного стойла (стойбище морских котов); запах детеныша, по которому мать узнает его среди других; запах родной воды, куда лососи возвращаются метать икру. К «негативным» запахам чуть более косвенно относится настороженное принюхивание самцов морских котов, определяющих безопасность выбранного для выведения потомства участка берега, напрямую

же — запах медведя, приводящий в панику моржей, и запах человека, вызывающий страх или ненависть у медведей.

Вторая подгруппа упоминания запахов связана с миром человека. «Мирных» запахов здесь немного: это запах дыма от костра и внутри просушенных над костром спальных мешков и запах еды, т.е. бытовые запахи, связанные с естественным желанием согреться и приготовить пищу. «Негативные» запахи связаны с ощущением покинутости места жительства, с отсутствием в нем человека: пустая яранга пахнет *давним холодным дымом и кислой кожей*; пахнет *старым костром*; собака чутьем поймала запах *старого кострища*.

Наконец, третью подгруппу образуют запахи, связанные с камчатской флорой и вулканами. К «мирным» относятся запах *серы*, поднимающийся с паром от серных источников, особый запах *вулкана*, исходящий от предложенного Пескову вулканологами чая (*кружки с чаем, пахнущим вулканом*), а также *пахущий* пар растительного мира, проникающий в палатку вместе с рассветным туманом; о насыщенности воздуха запахами как неизменном атрибуте Камчатки говорит и женщина, спустя много лет вновь оказавшаяся там: *Все, как и прежде, горячее и пахучее* (очерк «Долина гейзеров»). «Негативных» запахов меньше: это запах гари в выжженных практически дотла окрестностях извергающегося вулкана Плоский Толбачик и упомянутый ранее запах *серы*, испарения которой опасны для здоровья при высокой концентрации и длительном вдыхании (*Фу! Без противогазов находиться тут было безумием*).

Ольфакторная лексика в камчатских очерках В.М. Пескова преимущественно выполняет функцию дополнительного стилистического штриха при создании общей картины окружающего мира или той его части, которая в данный момент привлекает внимание автора, — штриха, без которого описание в отдельных случаях было бы недостаточно информативным и выразительным.

Обратим внимание на сочетание трех рассмотренных нами групп лексики.

Ни в одном из камчатских очерков запах не окажется определяющим элементом восприятия окружающего мира, тогда как цвет и звук в разных очерках могут количественно и качественно превосходить друг друга, при этом нередко соответствующая лексика не рассыпана по тексту, а сконцентрирована в отдельных его фрагментах. Рассмотрим два примера.

В очерке «Чаепитие у Толбачика» речь идет об организованной в 1975 г. Песковым и его другом Михаилом Жилиным экспедиции на Камчатку во время извержения вулкана Плоский Толбачик. Текст очерка насыщен колоративами, количество упоминаний которых в 2,5 раза превосходит упоминания звука (33 против 14), упоминаний же запаха всего два: пахнущий вулканом чай и запах гари. Приведем цитату: *Вокруг все засыпано серым скрипящим под ботинками пеплом, следы на нем напоминают следы людей на Луне. До вулкана примерно три километра. На закате зрелище изверженья особенно интересно: крутые облака пара еще подсвечены солнцем, а внизу уже сумерки. Всплески лавы над кратером выглядят теперь не малиновыми, а огненно-красными. Но это еще не свет в темноте, еще голубеет у горизонта полоска неба, угольно-черным на светлом фоне кажется столб изверженья. И вся мешанина удивительно сочных красок заката и огненных выплесков над кратером сопровождается гулом и непривычным запахом гари <...> Глазам, привыкшим к красному свету вулканного факела, звезды в просветах между обла-*

ками кажутся **зелеными**. Здесь перед нами около полутора десятков случаев прямого или косвенного обозначения цвета, два случая обозначения звука (*скрипящий* пепел, *гул* вулкана) и упоминание запаха гари. Подобный дисбаланс объясним тем, что извержение вулкана воспринимается наблюдателем преимущественно зрительно, в изменчивости цветов и оттенков, тогда как сопровождающие его звуки достаточно однообразны и могут меняться лишь в зависимости от интенсивности извержения или от расстояния до вулкана, запах же гари неизменно пронизывает воздух вокруг вулкана, вследствие чего о нем достаточно сказать один раз, чтобы читателю стало понятно: здесь везде пахнет гарью (в качестве литературной параллели можно вспомнить путешественников Джерома К. Джерома, сходявших с ума от того, что мир внезапно пропах керосином, пропитавшим их вещи).

В очерке «Великан Арктики», посвященном описанию жизни моржей, ситуация иная: всего три колоратива (*ржаво-коричневые* туши и *ярко-белые* бивни моржей, *белая* фигура медведя), два упоминания запаха (человека и медведя) и девять случаев звукопередачи. Вновь обратимся к цитированию, приведя два насыщенных лексикой звукопередачи фрагмента: *Моржи, теснясь, таким же образом награждают ударами лежащих выше, и вся масса зверей на лежбище приходит в движение, сопровождаемое **ревом, свистом, сопеньем** <...> Связь друг с другом в стаде моржи поддерживают звуками. **Пыхтенье, рев, свист, хрюканье** — обычное дело в стаде.* В процитированных фрагментах сконцентрированы семь из девяти случаев упоминания звука (еще два — это негромкий *свист* людей и *голоса* моржат). В данном случае, в отличие от наблюдения за извержением вулкана, цветовая гамма в принципе не может быть разнообразной: каменистый берег, волны и схожего окраса туши моржей не располагают к подробной визуализации, тогда как издаваемые моржами звуки, наоборот, привлекают внимание наблюдателя.

Читатель, изначально находящийся «по ту сторону» текста, в путевых очерках В. М. Пескова неразрывно связан с непосредственно воспринимающим описываемую реальность субъектом речи: их автором, профессиональным журналистом, мастером словесного изобразительного искусства, чье персональное видение и отчасти полумедитативное осмысление представляемого в текстах мира оказываются ключевыми факторами для создания речевой ткани камчатских очерков. На наш взгляд, это порой все же склоняет чашу весов от проблемной обусловленности в пользу фотографически описательной детализации и получения читателем эстетического удовольствия как от работы воображения, так и от самого процесса замедленного чтения. Внимательное отношение к мелким и, казалось бы, незначительным деталям окружающего мира позволяет Пескову создать тонкую мозаику этого мира, подобную мозаичности «чего-то большего, чем поэзия» в творчестве М. М. Пришвина. Лексико-семантическое разнообразие передачи цветов, звуков и запахов, обусловленное стремлением точно изобразить окружающую действительность, несомненно свидетельствует о значительной стилистической работе, сопровождавшей создание камчатского цикла очерков.

Литература

- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
Ковалевская 1994 — Ковалевская Е. Г. «Средства и приемы цветописи в произведениях Н. М. Карамзина». *Очерки по стилистике русских литературно-художественных и научных произведений XVIII — начала XIX века*. Сорокин Ю. С., Петрова З. М. (ред.). СПб.: Наука, 1994. С. 108–145.

- Коньков 2011 — Коньков В. И. «Очерк как жанр и как тип изложения». *Русская речь в средствах массовой информации: речевые системы и речевые структуры*. Коньков В. И., Потсар А. Н. (ред.). СПб.: СПбГУ, 2011. С. 306–327.
- Копнина, Сковородников 2006 — Копнина Г. А., Сковородников А. Г. «Образность». *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Кожина М. Н. (ред.). М.: Флинта, Наука, 2006. С. 255–257.
- Малышев 2014 — Малышев А. А. «Лексико-семантические средства передачи звука в очерках В. М. Пескова «Любовь — Камчатка»». *Медиалингвистика*. Дускаева Л. Р., Цветова Н. С. (ред.). Вып. 3: Речевые жанры в массмедиа. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т «Высш. шк. журн. и масс. коммуникаций», 2014. С. 142–145.
- Митрофанова 2007 — Митрофанова И. А. «Художественное начало в газетно-журнальной речи». *Русская речь в средствах массовой информации: стилистический аспект*. Коньков В. И. (ред.). СПб.: СПбГУ, 2007. С. 90–125.
- Останина, Чутчева 2014 — Останина Е. В., Чутчева А. В. «Специфика публицистики Василия Пескова». *Медиаисследования 2014*. Семилет Т. А., Фотиева И. В. (ред.). Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 211–218.
- Панцерев 2004 — Панцерев К. А. *Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 21 с.
- Петрова 1999 — Петрова З. М. «Язык русской ботанической науки XVIII века». *Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю. С. Сорокина*. Петрова З. М. (ред.). СПб.: Наука, 1999. С. 40–54.
- Пономарев 2011 — Пономарев Е. Р. *Типология советского путешествия: Советский путевой очерк 1920–1930-х годов*. СПб.: СПГУТД, 2011. 275 с.
- Прокофьева 2016 — Прокофьева Н. А. «Очерк». *Стилистика и литературное редактирование: В 2 т. Т. 1*. Дускаева Л. Р. (ред.). М.: Юрайт, 2016. С. 244–251.
- Прохоров 2012 — Прохоров Г. С. Что такое «художественная публицистика». *Новый филологический вестник*. 3 (22), 2012: 44–52.
- Солганик 2015 — Солганик Г. Я. О структуре художественной речи в сопоставлении с публицистической. *Медиалингвистика*. 1(6), 2015: 34–42.
- Сычева 2012 — Сычева И. В. Интерференция художественного и публицистического дискурса (на материале путевых очерков В. Пескова). *Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та*. 3, 2012: 118–121.
- Тертычный 2000 — Тертычный А. А. *Жанры периодической печати*. М.: АспектПресс, 2000. 311 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 08.02.2017).
- Щеглова 2013 — Щеглова Е. А. Особенности употребления фитонимов в очерках путешествия «Фрегат «Паллада» И. А. Гончарова. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. IX (Ч. 2), 2013: 582–593.
- Kolle 1966 — Kolle H. *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Deržavins*. München: W. Fink, 1966. 110 S. (нем.)

Для цитирования: Малышев А. А. Лексико-семантические особенности передачи цвета, звука и запаха в камчатских очерках В. М. Пескова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 3. С. 466–476. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.313.

References

- Арутюнова 1999 — Arutiunova, N. D. *Iazyk i mir cheloveka [Language and human world]*. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999. 896 p. (In Russian)
- Ковалевская 1994 — Kovalevskaja, E. G. «Средства и приемы цветописи в произведениях Н. М. Карамзина» [Means and techniques of colour in works by N. M. Karamzin]. *Očerki po stilistike russkikh literaturno-khudozhestvennykh i nauchnykh proizvedenii XVIII — nachala XIX veka [Essays on stylistics of Russian literary works, fiction and research works in 18 — early 19 centuries]*. Sorokin, Iu. S., Petrova, Z. M. (eds.). St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 108–145. (In Russian)
- Коньков 2011 — Konkov, V. I. «Očerok kak zhanr i kak tip izlozheniia» [Essay as a genre and narrative]. *Russkaia rech v sredstvakh massovoi informacii: rechevye sistemy i rechevye struktury [Russian speech in mass media: speech systems and speech structures]*. Konkov, V. I., Potsar, A. N. (eds.). St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Press, 2011, pp. 306–327. (In Russian)

- Копнина, Сквородников 2006 — Kopina, G. A., Skovorodnikov, A. G. “Obraznost” [Imagery]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language]. Kozhina, M. N. (ed.). Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2006, pp. 255–257. (In Russian)
- Малышев 2014 — Malyshev, A. A. “Leksiko-semanticheskie sredstva peredachi zvuka v ocherkakh V. M. Peskova «Liubov — Kamchatka»”. *Medialingvistika* [Media linguistics]. Duskaeva, L. R., Tsvetova, N. S. (eds.). Iss. 3: Rechevye zhanry v massmedia [Speech genres in mass media]. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ., School of Journalism and Mass Communications, 2014, pp. 142–145. (In Russian)
- Митрофанова 2007 — Mitrofanova, I. A. “Khudozhestvennoe nachalo v gazetno-zhurnalnoi rechi” [Imagery in newspaper and journalism speech]. *Russkaia rech v sredstvakh massovoi informatsii: stilisticheskii aspekt* [Russian speech in mass media: stylistic aspect]. Konkov, V. I. (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2007, pp. 90–125. (In Russian)
- Останина, Чутчева 2014 — Ostanina, E. V., Chutcheva, A. V. “Spetsifika publicistikii Vasiliia Peskova” [Journalism works by Vasilii Peskov]. *Mediaissledovaniia 2014* [Media research 2014]. Semilet, T. A., Fotieva, I. V. (eds.). Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2014, pp. 211–218. (In Russian)
- Панцеров 2004 — Pantserov, K. A. *Putevoi ocherk: evoliutsiia i khudozhestvenno-publichisticheskie osobennosti zhanra* [Travelling essay: evolution, imagery and journalism aspects of the genre]. Extended abstract of PhD dissertation (Philology). St. Petersburg, 2004. 21 p. (In Russian)
- Петрова 1999 — Petrova, Z. M. “Iazyk russkoi botanicheskoi nauki XVIII veka” [Language of the Russian botany in 18 century]. *Ocherki po istoricheskoi leksikologii russkogo iazyka: Pamiati Iu. S. Sorokina* [Essays on the historical lexicology of the Russian language: in the memory of Iu. S. Sorokin]. Petrova, Z. M. (ed.). St. Petersburg: Nauka Publ., 1999, pp. 40–54. (In Russian)
- Пономарев 2011 — Ponomarev, E. R. *Tipologiia sovetskogo puteshestviia: Sovetskii putevoi ocherk 1920–1930-kh godov* [Typology of the Soviet travelling: Soviet travelling essay in 1920–1930s]. St. Petersburg, SPGUTD Publ., 2011. 275 p. (In Russian)
- Прокофьева 2016 — Prokofieva, N. A. “Очерк” [Essay]. *Stilistika i literaturnoe redaktirovanie: V 2 t.* [Stylistics and literary editing: In 2 v.]. Vol. 1. Duskaeva, L. R. (ed.). Moscow, Urait Publ., 2016, pp. 244–251. (In Russian)
- Прохоров 2012 — Prokhorov, G. S. Chto takoe “khudozhestvennaia publicistika” [What is “literary journalism”]. *Novyi filologicheskii vestnik — The New Philological Bulletin*, 3 (22), 2012, pp. 44–52. (In Russian)
- Солганик 2015 — Solganik, G. I. O strukture khudozhestvennoi rechi v sopostavlenii s publichisticheskoi [On a structure of fiction in comparison with journalism]. *Medialingvistika — Media linguistics*. 1(6), 2015, pp. 34–42. (In Russian)
- Сычева 2012 — Sycheva, I. V. Interferentsiia khudozhestvennogo i publichisticheskogo diskursa (na materiale putevykh ocherkov V. Peskova) [Interference in fiction and journalism discourse (based on the travelling essays by V. Peskov)]. *Vestnik Piatigorskogo gos. lingv. un-ta — Vestnik of Piatigorskii state linguistic university*. 3, 2012, pp. 118–121. (In Russian)
- Тертычный 2000 — Tertychnii, A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodic press]. Moscow, Aspect Press, 2000. 311 p. Available at: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (accessed: 08.02.2017). (In Russian)
- Щеглова 2013 — Shcheglova, E. A. Osobennosti upotrebleniia fitonimov v ocherkakh puteshestviia «Fregat “Pallada”» I. A. Goncharova [Phytonym in the travelling essays Frigate “Pallada” by I. A. Goncharov]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy — Acta linguistica Petropolitana*, IX (2), 2013, pp. 582–593. (In Russian)
- Kolle 1966 — Kolle, H. *Farbe, Licht und Klang in der malenden Poesie Derzhavins* [Color, light and sound in the Derzhavin painting poetry]. München, W. Fink, 1966. 110 p. (In German)

For citation: Malyshev A. A. Lexico-Semantic Features of the Representation of Colour, Sound and Odour in the Kamchatka Sketches by V. M. Peskov. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 3, pp. 466–476. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.313.

Статья поступила в редакцию 30 января 2016 г.

Статья рекомендована в печать 3 июля 2016 г.